

ДОМА (ВОЗВРАЩЕНИЕ)

Драма в двух действиях,
четырёх картинах с эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей Тимофеевич Романов — 22 лет.
Лариса — его сестра, 15 лет.
Галина Николаевна — их бабушка, 72 лет.
Николай Покровский — 22 лет.
Максим — 17 лет.
Павел Пасхин — 23 лет.
Зина — его жена, 21 год.
Владимир Конкин — 23 лет.
Екатерина Горелова — 19 лет.
Гавриил Герасимович Ознобкин — 53 лет.
Егор Федотович Пенкин — возраст неопределенный.
Израиль Львович Иванов — 63 лет.
Анатолий — 28 лет.
Парни в клубе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Темно. Слышен гул вертолетов, стрельба, взрывы, крики на русском языке и еще на каком-то. Кто-то стонет. Вместе с включением света все звуки, кроме стонов, прекращаются.

На сцене комната в квартире стандартного дома, нечто вроде гостиной-столовой. По вещам видно, что семья приличного достатка и интеллигентности. Выделяются большие напольные часы. На стене висит большой портрет юноши. За окном солнечный день. На диване спит Сергей. Около него на полу валяются учебники. Это он стонет. Выкрикнул чего-то неясное, резкое. Быстро входит Галина Николаевна, бабушка Сергея, будит внука.

Галина Николаевна. Сережа, Сереженька!

Стон прекращается. Часы бьют три удара.

Сережа!

Сергей (*открыл глаза*). Фу!.. Сморил!..

Галина Николаевна. Это из тебя все еще усталость выходит. Что-то страшное снилось?

Сергей. Нет, ничего не снилось. Сладко спал, как в детском садике.

Галина Николаевна (*смеется*). И видел во сне игрушки.

Сергей. Заводную лягушку, Буратино. (*Встал, открыл окно.*) Все еще холодно. Апрель, а даже трава не вылезла... Чем это у тебя так вкусно пахнет?

Галина Николаевна. Пирог с яблоками пеку. Корицы достала.

Сергей. И зачем люди день рождения справляют! Дело к старости, а они веселятся.

Галина Николаевна. Именно в двадцать два года тебе об этом и думать... Товарищ твой звонил.

Сергей. Кто?

Галина Николаевна. Николай — сказал.

Сергей. Что ж ты не разбудила! Потрясающий парень, мы его Бизоном звали. Сила!

Галина Николаевна. Я сказала, пусть придет позднее. А кто у тебя будет?

Сергей. Понятия не имею. Звонил Павлу — куда-то уехал. Зинаида тоже дома нет... Честно, ба, пока еще дома одному побыть хочется. Ты, Лариска и я — вот и повеселимся.

Галина Николаевна. Твой отец и мать тоже, бывало, говорили: кто вспомнит, тот и придет. К вечеру набьется человек двадцать. А жили в одной комнате в коммуналке.

Сергей. Больше никто не звонил?
Галина Николаевна. Я телефон отключила.

Сергей включает телефон.

Ты какого-нибудь звонка ждешь?

Сергей. Нет, просто так. *(Показывая на подоконник.)* Лариска ботанический сад развела. На биологию, наверное, кинется?

Галина Николаевна. Максим приучил. Каждый день — букет.

Сергей. Какой Максим?

Галина Николаевна. Кавалер.

Сергей. Ого! Не рано ли?

Галина Николаевна. Пятнадцать. В это время они как раз и заводятся.

Сергей. Приличный?

Галина Николаевна. Разве их разберешь... Прыгает.

Сергей. В каком смысле?

Галина Николаевна. В прямом. С шестом прыгает. Сейчас на соревнования в Швецию уехал.

Сергей. Ого, какая у нас смекалистая девчонка растет. Что же я его не видел?

Галина Николаевна. А он как раз перед твоим возвращением и уехал. Сегодня, по-моему, приезжает. Лариска с утра все свои наряды перебирала.

Сергей. Бабуля, я все хочу спросить — зачем мою такую громадную фотографию вывесили?

Галина Николаевна. Лариса придумала. Мне тоже не нравится: боялась.

Сергей. Чего?

Галина Николаевна. Старалась не глядеть. Как она повесила, так у меня ужасная мысль возникла. Тьфу, думаю, вдруг на эту раму черную ленту вешать придется.

Сергей. И мне не нравится. Снимем к лешему. *(Встает на стул, снимает фотографию, ставит лицом к стене. Глянул в окно. Задумался.)*

Галина Николаевна. Ты о чем?

Сергей. Что?

Галина Николаевна. Думаешь.

Сергей. Сарай снесли. Мы там прятались.

Галина Николаевна. Пожарники велели. Каменный построят.

Сергей. Каменный уж будет чужой гость. *(Смеется.)* Каменный гость. *(Собирает с пола учебники.)* Что ты, бабуля, все дни на меня как-то пристально смотришь?

Галина Николаевна. Как на чудо смотрю. Какой-то новый ты.

Сергей *(смеется)*. Вместо прежнего тоже каменный.

Галина Николаевна. Глаз тяжелый иногда.

Сергей. Отойдет.

Галина Николаевна. Помни, Сереженька, ты ни в чем не виноват.

Сергей. Оставим это, бабушка. *(После паузы.)* Вот сижу с тобой, и все мне нравится. И наши комнаты, и этот стол, и стул, и ты.

Галина Николаевна. Спасибо за сопоставление.

Звонок в дверь. Галина Николаевна открывает, возвращается.

К тебе.

Входит Николай. Он в военной форме, только без погон.

Николай. Филин, здорово!

Сергей. Привет, Бизон!

Обнимаются, смеются.

Николай. Ты давно?

Сергей. Порядочно.

Николай. Что не звонил? Я случайно узнал.

Сергей. Завертелся. В институте восстанавливался, то да се... Моя бабушка — Галина Николаевна.

Николай. Здравствуйте! Николай Покровский.

Галина Николаевна. Здравствуй, Коля. А ты давно оттуда?

Николай. Третий месяц.

Сергей. Я, знаешь, все сплю и сплю.

Галина Николаевна. Как вы удачно. У нас как раз день рождения.

Николай. Поздравляю вас.

Галина Николаевна. Да не меня, его... Мы в пять собираемся.

Николай. Эх, никак не могу, в пять занят.

Галина Николаевна. Жаль.

Сергей. Ладно! Потом отметим... Как дела?

Николай. В основном хреновые... Галина Николаевна, извините.

Галина Николаевна. Что ты, Коля, грубость сейчас в моде. Можешь и покрепче, я переживу.

Николай. Галина Николаевна!

Галина Николаевна. Я на всякий случай.

Сергей. Что у тебя?

Николай. Кругом свист... Людка — я тебе о ней рассказывал — с другим шлялась и шляется.

Галина Николаевна. Курица в духовке не подгорела бы... *(Ушла. Но вскоре вернулась.)*

Николай. Приехал. Иду к ней, дверь не заперта. Открываю, думаю: обрадую, ахнет! Идиот!.. Она же писала: целую, жду... Ну объясни ты мне их сучью породу... Людки нет, а в ее постели хмырь какой-то храпит.

Сергей. Может, приехал кто — родня.

Николай. Родня, хвост загня! Я же по антуражу в один миг сообразил. И халатик тот, салатного цвета, валяется. Тьфу! Хотел я его на этой кровати как душмана какого... *(показывает)*, да ты знаешь, противно делалось. Выскочил... Иду по улице, букет несу. Смех! Юлька Тростяникова встретила. «Коля, куда ты с утра с цветами?» На кладбище, говорю, ходил, да все покойники куда-то ушли. На!.. Сунул ей цветы и... Ну что скажешь?

Сергей. Погоди, погоди, может, это и не хахаль. Ты говорил с ней?

Николай. Нет. Все! Отрезал! Чтоб и на глаза не попадалась!.. Ну выскочила за другого, так зачем мне-то письма — жду, целую, дорогой...

Галина Николаевна, объясните мне дамскую психологию. Может быть, чтоб я там не заплакал с горя, если правду сообщит? Так мы, Галина Николаевна, теперь каменные, из нас слезу ни при каких обстоятельствах не выжмешь.

Галина Николаевна. Да, да! Может, именно боялась за тебя. В нашем взводе один паренек такое письмо получил, так его как в лихорадку бросило. Он из окопа выскочил и один с автоматом на немцев бросился. Бежит, «ура» кричит. А те даже в него не стреляли. Наши подбили. Тогда приказ был: если кто бежит в плен сдаваться, стрелять... Думали, в плен бежит.

Николай. Ладно, мы отрезать умеем. Пусть она с тем мучается.

Сергей. А дома как?

Николай. Тоже роскошно, прелесть! Новая мама встретила. Я понимаю, отцу не куковать в одиночку, наша родная в сорок два оставила, мужик есть мужик, не капусту ест. Но новая какая-то очень умная, ну все-то знает! И курить вредно, и пить нехорошо, и вилку, дескать, в левой руке, а нож в правой. Представь себе — обедаем, а она мне нежным голосом: «Ты, Коленка, плохо пищу прожевываешь». Знаешь, я чуть не подавился. Ну так уж умна, ей бы в Совет Министров!

Сергей. Да... не роскошно.

Николай. Хозяйка! Вон у вас цветочки, а она на подоконниках помидоры вырашивает, рассаду.

Сергей. В техникуме восстановился?

Николай. Нет. Не пойду.

Сергей. Почему?

Николай. Тут серьезнее институт маячит.

Сергей. Химико-технологический?

Николай молчит.

Не в Москву ли собрался?

Николай. Только ее мне и не хватало.

Сергей (показывая на одежду Николая). Привык к форме?

Николай. Защитный цвет, удобно, стирать не надо. (Засмеялся.)

Сергей. Чего смеешься?

Николай. Забавный ты в штатском, плюгавый какой-то. Привыкаешь?

Сергей. Еще не совсем. Не верится. Во сне я все еще там, там, там.

Николай (радостно). Я тоже!

Сергей. Ничего, и сны пройдут.

Николай. А я не хочу.

Сергей. Тяжело все-таки. Ночью проснусь — душит.

Николай. А меня нет. Пусть всю жизнь мне эти сны снятся. Они меня в полной боевой держат.

Сергей. Куда ты учиться-то собрался — не сказал.

Николай. Уже учусь.

Сергей. Где?

Входит Лариса.

Лариса (Николаю). Здравствуйте.

Николай. Приветствую вас.

Сергей. Что это ты ее на «вы»? Это Лариска, сестра.

Николай. Все-таки дама.

Сергей. Ей только пятнадцать. (Ларисе.) Познакомься — Николай.

Николай и Лариса здороваются.

Николай. Акселератка!

Лариса. Вы тоже оттуда?

Николай. Точно так.

Лариса. Поздравляю!

Николай. Тешакур. По-русски — мерси значит.

Лариса. Сережка, тебе. (Подает игрушечного зайца.)

Сергей. Спасибо (Целует сестру.)

Лариса. Я с просьбой. В обувном кроссовки дают. Хвост до аптеки. Тебе можно без очереди. Мне — тридцать седьмой.

Сергей (после небольшой паузы). Неловко.

Лариса. Почему?

Сергей. Неловко...

Лариса. Ничего противозаконного! Везде же написано: Герои Советского Союза и так далее имеют право...

Сергей (сухо, совсем по-другому, чем говорил раньше). Не пойду.

Лариса. Между прочим, я сейчас видела: один инвалид три коробки вынес, а сам без ноги. Кругом спекуляция, а тебе положено по закону.

Сергей. Он без ноги. Ему хоть двадцать пар можно.

Звонит телефон. И Сергей, и Лариса одновременно делают движение в сторону телефона, но так как телефон стоит рядом с Николаем, он и снимает трубку.

Николай. У аппарата.

Лариса и Сергей (одновременно). Не меня?

Николай. Нет. Галина Николаевна, вас!

Лариса ушла в другую комнату.

Галина Николаевна (входит, берет трубку). Вас слушают... Не может быть!.. Спасли... Во сколько, Анна Дмитриевна?... Конечно!.. (Вешает трубку.)

Сергей. Что стряслось?

Галина Николаевна. Не город, а гадючник какой-то! Представьте, Леня Кукушкин... ты, Сережа, должен его помнить, он с мамой приходил к нам, рыженький такой... Ну, может, и забыл... только окончил торговый техникум, определился в гастроном... Не сошелся с директором Косоротовым — не воровал. Так ему, представьте, насовали в куртку шоколада, бутылку коньяка. Когда он стал одеваться, захватили с милицией. Вены резал... Пока следствие идет, мальчик жизни хотел себя лишить. И вывернется этот Косоротов, обязательно вывернется! Ну просто мафия какая-то!

Николай. Может, и не вывернется.

Галина Николаевна. Нет! Стрелять таких, стрелять, бить прямой наводкой. (Ушла на кухню.)

Николай. Молоток бабка: сто лет тому назад воевала, а терминологию помнит... Ты, кажется, в юридическом учился? Как у тебя там?

Сергей. Все забыл. Отвык. Сейчас занимался, занимался и заснул... Да и комедия...

Н и к о л а й. Ну наконец что-то смешное!
С е р г е й. К перевыборам угодил, комсоргом сделали. Я, говорю, только на втором. А они кричат: «Романов! Романов!»

Н и к о л а й. Осилишь. Ты головастый.

С е р г е й. Уже собрание было. Вижу, сидят наши комсомольцы, а в глазах главная задача — поскорей смотаться.

Н и к о л а й. Ну, знаешь, я тебе скажу, мы тоже когда-то на пионерских линейках одного возгласа ждали: разойдись! Выродилось все это — пионеры, комсомол, другое надо.

С е р г е й. Что?

Н и к о л а й. Ты спрашивал, куда я учиться иду. Никуда. При Дворце культуры имени Ворошилова физкультуркружок имею. Но не только вдох-выдох, ноги вместе, руки врозь. Я их тому учу, чему нас с тобой обучали. Кстати, хочешь — зайди, покажи им кое-что, пусть они своими глазами высший класс посмотрят.

С е р г е й. С удовольствием приду.

Н и к о л а й. У меня не пионеры, по конкурсу берем, и не только что-бы физически развитых, но и идейно крепких, убежденных. Писатель один есть. Он, собственно, и главный по культурно-воспитательной...

С е р г е й. Ого! Как фамилия?

Н и к о л а й. Пенкин.

С е р г е й. Нет, не читал.

Н и к о л а й. Его мало печатают. Говорит — зажимают. Лекторов приводят. По русской истории читают, по культуре, по религии даже.

С е р г е й. Университет?

Н и к о л а й. Вроде. Интересно. И дело настоящее, всерьез.

С е р г е й. Конкретно?

Н и к о л а й. Ну... разговор не беглый, потом... Ты бы, так сказать, украсил. Звездой сверкать будешь. И Пенкину понравишься. Он суровый, в нашем духе. Образованный — бездна, лучше не спорь! Ты, Филин, мудрец, но он и тебе очко вперед даст. Огромного ума человек.

С е р г е й. Как тебя туда занесло?

Н и к о л а й. Устроили.

С е р г е й. Кто?

Н и к о л а й. Дядя Вася.

С е р г е й. Кто это?

Н и к о л а й. Вахтер там во дворце. Я как приехал, с ним случайно в одной кафешке познакомился. Подсел к моему столику... Разговорились. Он про старые времена здорово рассказывал. Жизнь, говорит, была — порядок, строгость. Цены, говорит, на все каждый год снижались, не то что теперь. Мясо, говорит, семь рублей стоило, семьдесят копеек по-нынешнему — смех! Ботинки десять рублей отличные, все свое, заграничной шустерой и не пахло. Главное — порядок, дисциплина... Вахтер, а человек, видать, ученый. Спросил — кем он раньше работал. Как-то загадочно улыбнулся. Шишка, видать, был. Обидели, наверное. Он меня в этот дворец и рекомендовал. Иногда на наши занятия заходит, смотрит. Нравится, вижу. Все его уважают, даже Пенкин.

Звонок. Галина Николаевна открывает.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Проходите, проходите.

Врывается Г о р е л о в а. Это девица пригожего вида, почти деревенского.

Г о р е л о в а (Николаю). Ты Сергей Романов?

Н и к о л а й (опешив). Он.

Г о р е л о в а. Ты?

С е р г е й. Я.

Г о р е л о в а. Я Горелова... с первого курса. Катя...

С е р г е й. Садись, Катя.

Горелова садится, но тут же вскакивает.

Так что с тобой стряслось?

Горелова молчит.

Ну, говори, говори.

Г о р е л о в а. Не буду.

С е р г е й. Ну вот! Пришла зачем-то, а сказать не хочешь. Ты здешняя или в общежитии живешь?

Г о р е л о в а. В общежитии. Я из Баранова... село... (Закрывает лицо руками.)

С е р г е й. Сядь и спокойненько выкладывай. Чем можем, поможем.

Г о р е л о в а (кивая на Николая). При нем не буду..

С е р г е й (Николаю). Пойди пока к Ларисе.

Н и к о л а й. Есть, командир. (Уходит.)

С е р г е й. Ну?

Г о р е л о в а. Конкин ваш... на дачу пригласил... с друзьями... Я, дура, поехала. Сволочи... (Заплакала.)

С е р г е й. О черт, гадость какая! Он же до меня комсоргом был!

Г о р е л о в а. Я и поехала. Думала, именно... поглядеть хотелось дачу. Мать «смотри» наказывала. Я чистая была. Отец прибьет теперь. Они верующие... Я хорошо учусь, отличница. (Ревет.)

С е р г е й. Во-первых, успокойся. А во-вторых, суд над ним устроим.

Г о р е л о в а. Нет, не хочу... чтобы при всех... Я к тебе одному, а ты при всех... Дурак ты, что ли... Мало мне позора!

С е р г е й. А как же?

Г о р е л о в а (тихо). Убей его. Ты, говорят, воевал, умеешь.

С е р г е й. Ну уж ты скажешь!

Г о р е л о в а. А чего? Будешь, как все, языком болтать?

С е р г е й. Чего же ты хочешь?

Г о р е л о в а. Хочу, чтобы ему хуже моего было. Вот чего хочу.

С е р г е й (растерянно). Мы подумаем... разберемся.

Г о р е л о в а (вдруг засмеялась). И чтоб в институте никто не знал, понял?

С е р г е й. Ни слова?

Г о р е л о в а. Конкин теперь рассказывать будет, хвастать. Ну и что? А я стану ходить и смеяться... Я в хоре пою, я солистка. (Запела песню.)

С е р г е й. Катя, что ты, Катя! (Он видит, что Горелова теряет рассудок. Зовет.) Коля!

Входит Н и к о л а й.

Г о р е л о в а. Во, во, теперь все пусть идут. Концерт! (Поет.)

Сергей, показывая на Горелову, делает Николаю знаки. Горелова прервала пение и тихо заплакала.

Н и к о л а й. О чем дева плачет, о чем дева плачет, о чем слезы льет..
(Подождал к Гореловой, взял ее за плечи.)

Г о р е л о в а (вскочила и с размаху ударила Николая по лицу). Отлипни, кобель! (Засмеялась.) Вечером танцы, приходи. (Пошла, но в дверях закрычала Сергею.) Накажи, накажи, убей!

Николай и Сергей в растерянности.

Галина Николаевна (входит). Кто это так прекрасно пел?

Сергей. Лариска!

Входит Лариса.

Сейчас от нас студентка вышла, Горелова, Катя зовут. (Показывает через окно.) Вон идет, в лиловом плаще. Она что-то не в себе. Догони. Может, в поликлинику надо, помочь.

Л а р и с а. Как меня просить, так можно, а для меня...

С е р г е й (резко). Скорей, тебе говорят!

Л а р и с а. Если ко мне кто придет, пусть ждут. (Убежала.)

С е р г е й. Сам бы пошел, но она не так среагировать может.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Что здесь случилось?

Н и к о л а й. У вас все студенты с приветом?

С е р г е й. Она не в себе, не видел разве? Только сейчас, вот тут, при мне...

Н и к о л а й. Ты ей что-то такое сказал?

С е р г е й (не может опомниться). Конкин... завез на дачу с друзьями...

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. О боже!..

Н и к о л а й. Паразит! Пакость какая! Что это за Конкин?

С е р г е й. Студент наш, дипломант, в аспирантуру идет.

Н и к о л а й. Чей сын?

С е р г е й. Профессора, учителя, колхозника, рабочего — какая разница?

Н и к о л а й. Корни интересуют.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Коля, теперь всюду эти корни. Раньше думали — где бедность, там невежество, пьянство, поножовщина. А теперь... Торопова, главного инженера лесопильного с работы уволили, а за что? Вместе со строительными рабочими во время работы водку в подвальном помещении пил, из горлышка, говорят. А к Нине Николаевне в поликлинику работница с фабрики «Искра Октября» сына привела четырнадцати лет. Не может понять — заболел, говорит, посмотрите, доктор. Он рубашку снял, а на левой руке следы от уколов шприца... Нет, нет, теперь все слои общества одними болячками болеют. Уж тут — равенства полного достигли.

Н и к о л а й. Что делать будешь?

С е р г е й. Из комсомола его к чертовой матери...

Н и к о л а й. Удивил! Потом в партию подаст, примут.

С е р г е й. И суд. Дело явно уголовное.

Н и к о л а й. Явно?

С е р г е й. А по-твоему?

Н и к о л а й. Уголовное, но не явное.

С е р г е й. Это почему? Ты же видел!

Н и к о л а й. Что я видел? Сумасшедшую видел в лучшем случае, и все!

С е р г е й. Так отчего она тронулась?

Н и к о л а й. А как докажешь, юрист?

С е р г е й. Расскажу.

Н и к о л а й. И свидетелей приведешь?

С е р г е й. Каких свидетелей?

Н и к о л а й. Именно!

С е р г е й. Ну, ты видел...

Н и к о л а й. Что я видел? Пришла нормальная девица, ушла безумной. Еще скажут: ты ее довел.

С е р г е й. Брось! Я расскажу... Учится на «отлично»...

Н и к о л а й. Вот, вот! Скажут: от этого и спятила, с отличниками бывает. Переучилась.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а (накрывая стол). Сережа, Коля верно говорит. Будь осторожен, сгоряча не лезь. Это дело ужасное, грязное, тебя запутают. Конкин... Может, отец у него какая-нибудь фигура. Такие люди крайне опасны. Связи немыслимые! Джунгли, дебри! Заведут, не выберешься. Тебя там Бог хранил. Здесь тоже — осторожнее.

Н и к о л а й. Подожди. Ты пока свой уголовный кодекс листай, а я своими мозгами пошевелю, с Пенкиным посоветуюсь. Конкин — его фамилия, говоришь?

С е р г е й. Конкин... погоди, у меня есть его телефон. (Листает книжку.) Вот он. (Набирает номер.) Будьте добры Конкина... Нет? Володю... В теннис играет? Вы, видимо, его отец?... О извините, брат так брат. Передай, пожалуйста, что комсорт Романов просит сейчас зайти... Нет, домой... Пролетарская, 3, квартира 7... Да, близко. Скажи, срочное дело... Да, по комсомолу... (Положил трубку.) О черт, какая-то дрожь взяла.

Н и к о л а й. И о чем с ним беседовать будешь?

С е р г е й. Найду. Не оставлять же так.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Отложил бы до завтра. Сегодня такой день.

С е р г е й. Ничего. Я с ним быстро...

Н и к о л а й. Да, Галина Николаевна, зараза уже сверху вниз пошла. (Сергею.) Мы-то с тобой думали: живы останемся, назад в рай влетим.

Возвращается Лариса.

Л а р и с а. Кошмар! Она под автобус хотела броситься, я вцепилась. У нее силища. Думала, и меня под колеса... Двое мужчин подбежали, выхватили. Жуть!.. Что с ней?

С е р г е й. Бывает! Умственное перенапряжение. Переучилась.

Н и к о л а й. Отличница.

Л а р и с а. Вот-вот, бабушка, а ты меня ругаешь... Ко мне никто не приходил?

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Как видишь. (Выходит.)

Звонок. Входит М а к с и м. В руках у него заграничный саквояж. Одет во все яркое, заграничное.

М а к с и м. Здравствуйте. (Сергею.) С возвращением!

С е р г е й. Спасибо.

М а к с и м. Лариса! (Хочет подойти к Ларисе.)

Лариса. Не подходи!

Максим. Почему? Ты без меня тут замуж, что ли, вышла?

Лариса. Поезд пришел когда? Еще рано утром. От твоего дома ко мне пятнадцать минут, а остальные?

Максим. Так суббота, все дома, то-се, расспросы. Тетя Лиза с детьми приехала, бабушка пришла. Потом всем подарки раздал... *(Ставит саквояж на стол.)* А это тебе. *(Начинает вынимать из саквояжа всевозможные наряды — платье, кофты, куртку, шапочку для купанья, и приговаривает.)* Видала?... Видала?... А что это? А это? Как тебе кофточка?

Николай. Ты бы еще трусики привез.

Максим. Конечно. Вот три пары. И колготки разных размеров взял, на вырост. И вот... *(Подает кроссовки.)*

Лариса. Тут за ними такая очередь!

Максим. А там в Швеции никакой. Покупаешь, и тебе же каждый раз спасибо говорят. Даже неловко. *(Обращаясь ко всем.)* Красивые вещи, верно?

Сергей. Симпатичные.

Лариса *(прикидывая на себя платье)*. Ответ главное — как?

Максим *(сел)*. Плохо.

Лариса. Плохо?

Максим. На четвертое съехал.

Лариса. Ой-ой-ой! Нездоров был?

Максим. Здоров, совершенно здоров. Заряд в себе чувствовал. Ду-мал, рвану на второе. Не послушался.

Лариса. Кого?

Максим. Тренера. Предупреждал нас с Юркой строго — кто первый раз за рубежом. Нужен особый режим и прочее. И в кино не велел ходить, не отвлекаться, беречь нутро велел. А мы с Юркой, конечно, по улицам, разглядываем... рекламы кино... Одна знаешь, рот разинешь! Словом, у нас такое не увидишь. Комедия — написано. Мы думаем: не драма какая, душу не взбаламутит. От смешного на душе всегда бодренько. Пошли. А там...

Лариса. Ну и что, подумаешь!

Максим. Именно. С утра все нормально. Чувствую — в форме. Начали. Шест отличный, проверенный, мы с ним как слитые. Беру разбег, втыкаю, рывок, взлетаю... И как уж это случилось. Перед глазами один кадр из фильма мелькнул. И все! Лежу на поролоне, планка на мне валяется... Вторая попытка... До чего человек загадочен, а? Бегу, а в мозгу уже одно: только бы ничего не увидеть. Так опять увидел! Мелькнули, паразиты! Сбил. Ну уж тогда взбесился. Последняя попытка. Бегу уж в самой лютой злобе. Твержу: «Возьму, возьму!» И преодолел! Илья Романович даже сказал: обалдуй, надо было выше заказать, все равно ничего не терял. В общем, похвалил. *(Ларисе, показывая на подарки.)* Нравится?

Лариса. Сейчас примерю. *(Ушла, взяла с собой подарки.)*

Николай. Вот так, Сережа, они там на палочках за границей прыгают, а мы на другой части континента...

Сергей. Ну ладно, ладно, не выставляйся. *(Максиму.)* Ты, говоришь, первый раз за рубежом?

Максим. Да.

Сергей. Понравилось?

Максим. Очень.

Николай. А нам нет.

Вернулась Лариса, одетая во все новое, модное.

Лариса. Как?

Сергей. Забавно. Колибри.

Николай. Вот и я в Швецию прикатил: Эссалиам-алейкум!

Лариса подошла к Максиму, целует его в лоб, щеки и нос, обцеловывает.

Сергей. Ларка, Ларка, Ларка!

Лариса. Ну и что? И поблагодарить человека нельзя! *(Заглянула в саквояж.)* У тебя там больше ничего нет?

Максим. Только аппарат для давления тете Ире привез японский. И вот...

Лариса. Что это?

Максим. Краски для волос.

Лариса. Какие краски?

Максим. Разные. Говорят, в Москве ребята и девушки уже тоже красят.

Лариса. А как это?

Максим. Покажу. Пошли в ванную, попробуем.

Лариса и Максим ушли.

Николай. Ну, ты не чумеешь?

Сергей. Терплю.

Николай. Кой черт нас в Афганистан носило, когда своего дела выше черепа! Сережа, не затем нас хранила судьба, чтобы мы на всю эту немыслимую пакость спокойноенько глядели?

Сергей. Ну не заводись, не зверей, боя не будет.

Николай. Как это не будет? Будет!

Сергей. Ты из-за Людмилы такой злой, из-за мачехи?

Николай. При чем тут эти бабы! Ну ты нашу красногвардейскую газету почитай: тут вор, там взяточник, здесь халтурщик... Горелова твоя... А относятся к нам, ветеранам, как? Они понятия не имеют, откуда мы, они ад во сне не видели, им что! Гришка Бутузов пошел в райсобес пенсию оформлять, его лихорадка до смерти забивает, а какая-то харя ему: ах ты, добрый молодец! и не стыдно в эти годы на пенсию проситься? Он парень, ты знаешь, стеснительный. Говорит: я в Афганистане желтую лихорадку подхватил. А ему: ты интернациональный долг выполнял, гордиться должен. Гришку там приступ и хватил... Ничего, мы того паразита вежливости научили.

Сергей. Как это?

Николай. Встретили случайно вечером и растолковали, как с людьми обращаться надо.

Сергей. Избили, что ли?

Николай. Попугали слегка. Из него теперь отличный работник получится, на Доску почета вывешат... А молодежь... Зашел я вечером на танцульку. Что там творится! Ты там был?

Сергей. Нет еще.

Николай. Сходи хоть для интереса. Это же разврат, это же чистей-

ший Запад. И где? Не в Москве, там все, говорят, давно разложились. В нашем святом русском городе, который раньше Спасском назывался. Теперь его надо в какой-нибудь Нью-Чикаго переименовать... Вот этот прыгун, видел, какую заразу завез?

Сергей. Шмотки, и все.

Николай. Не надо, Сергей, наивным быть. Эти шкурки они сверху на кожу натягивают, а из них яд вглубь проникает, в самую душу. Дядя Вася верно говорил: раньше за такое... Нет, ты в дискотеку пойдешь, на танцы! Как они себе там задницы не вывернут, тьфу. Стыда нет, ничего отечественного не осталось, одни фестивали по телевидению. Там за зарплату русскую пляску пляшут, хуже музея. А что в стране творится!.. Ничего, порядочек наведем.

Сергей (смеется). На всю страну?

Николай. В городе попробуем.

Сергей. В одном городе не выйдет.

Николай. Выйдет. Маркс говорил — нельзя построить социализм в одной стране, а Ленин сказал — можно. И построили... Соорудим. И другим пример покажем.

Возвращаются Максим и Лариса. Волосы их стоят гребешком и раскрашены во все цвета радуги.

Лариса. Как?

Николай (взревел). Не будет этого! (Бросился на Максима, схватил за шиворот, потащил в ванную комнату.)

Слышен крик: «Пусти меня, пусти!»

Лариса (бросилась за ними с криком). Оставь его, не трогай!

Голос Николая: «Не будет этого, не будет! Я тебе покажу Швецию, прыгун проклятый!» Слышно, как льется вода из крана и продолжаются крики. В комнату входит Николай, вытирая руки полотенцем. За ним разъяренная Лариса и мокрый, с вымытыми волосами Максим.

И меня мой, и меня. (Бьет Николая мокрым полотенцем.) Привык душиться!

Николай. Тебя пусть брат отмывает. Поучи ты ее, Сережа, уму-разуму.

Лариса и Максим уходят в другую комнату.

Сергей. Зря ты с ними подобным способом. Подумаешь, дурака валяют, и все.

Николай. Разве так должны люди время убивать! Ты, Сережа, в блаженном еще состоянии находишься. Прозеваем.

Сергей. Что прозеваем?

Николай. Переродимся... Тебе смех, шутки, а Пенкин верно говорит: на нас атака идет, строй изнутри взорвать хотят, тихой сапой, у них и бомбы наготове, СОИ. Бомбы они сами боятся, так изнутри подрывают. Ты в кино пойдешь. Одни ковбои скажут, в постели голые валяются. Чьи фильмы? Итальянские, французские, американские и так далее, и так далее.

Входят Максим и Лариса. Лариса еще с крашеными волосами.

Лариса (Сергею). Мы к Максиму. Думаю, у них ненормальных не водится. К пяти вернемся.

Николай. Иди, иди, может, тебе на улице космы выдерут.

Сергей (Ларисе). Верно, смой свою фантазию.

Лариса. И не подумай!

Сергей. Ну, повяжись платком. Чего о тебе потом город говорить будет!

Николай. Скажут — чокнутая.

Сергей. Уговори ее, Максим, у нас все-таки не Швеция.

Максим. Что особенного! Ну вот, я не понимаю, почему там ребята и девчонки могут так ходить, как им вздумается, и никто их не трогает. Внимания-то не обращают!

Николай. Вот, Сережа, вот! Смешно? А это они по нас с тобой в том числе из бесшумных строчат!

Сергей. Ну и ты оставь. Пройдет эта чепуха! Забыл, как сам в восьмом классе гриву ниже лопаток отстрил?

Николай. Так я...

Сергей. Говорил тебе директор: остригись.

Николай. Так ведь я...

Сергей. Остригся?

Николай. Я тогда на Верку Гривину поглядывал, а ей мои лохмы нравились, я видел. Что же ты одного дурака другому дураку в пример ставишь! Меня и поперли.

Сергей. Повяжись, Лариса, а лучше — вымойся.

Николай. Дождешься: поймут и обреют башку наголо.

Лариса. Испугал, темнота!

Николай. А ты, значит, луч света в темном царстве? Уж больно ярко светишь, в глазах рябит.

Сергей (Ларисе). Не упирайся. Я же тебе плохого не желаю.

Лариса (Максиму). Вечером на дискотеку пойдешь, обязательно выкрусимся. Все ахнут. Там молодые, не одряхлевшие. (Ушла.)

Максим (Николаю). Ты на мою бабушку Нюру похож.

Николай. Лучше на твою бабушку, чем на тебя.

Максим. Привез я ей потрясающую соковыжималку японскую. Так ведь не взяла. Убери, говорит, что я — на терке не могу натереть, а потом через марлечку выжать, а?

Сергей. И к чему ты это?

Максим. Так. Они там скоро на компьютеры пятого поколения перейдут, а у нас на почте на бухгалтерских счетах шелкают.

Николай. Отсталая, значит, твоя бабка. Так ты ей тоже башку покажешь, она сразу передовой выглядеть станет.

Максим уходит.

Звонок. Входит Конкин. За ним Галина Николаевна.

Конкин. Здравствуй, Сережа.

Сергей (после еле заметного колебания). Здравствуй. (Жмет Конкину руку.)

Галина Николаевна. Поздравьте его, у него день рождения.

Конкин. Извини, не знал. Поздравляю. Подарок за мной. (Николаю.) Здравствуйте. Конкин Владимир. (Здоровается с Николаем тоже за руку.) Что-нибудь случилось? Брат сказал — срочное. Я немедленно, даже не переоделся. Чрезвычайное что?

Сергей. Горелова у меня была.

Конкин. Кто?

Сергей. Горелова.

Конкин. А-а-а... Это первокурсница, в хоре поет? Хороший голос. Что она в юридический сунулась! Ей бы в консерваторию. И фигура, и рост, и так — на физиономию смотреть приятно. В Большой театр, может быть, угодила бы. Мы в Москву приедем, скажем: Горелова, устрой по знакомству оперу послушать... Ну что?

Сергей. Говори, говори...

Конкин. О чем?

Сергей. О Гореловой.

Конкин. Ну если о ее внутреннем облике, об идейном, — по-моему, нормально. Как все. Учится зверски. Собрания иногда пропускает. На капусту ездит. Между прочим, именно на капусте она — самый высший класс: из деревни, родное дело. Ты ее на что-нибудь ответственное намекаешь? Рано. И культурки маловато. Ей действительно в артистки бы... Артисты, говорят, люди малообразованные, у них только талант, а так, знаешь, среднее умственное развитие.

Сергей. Еще давай, еще!

Конкин. Все, Сережа. Замечаний не имела. Учится, я сказал, сверхотлично... Да, я заодно характеристику прихватил. Пора в аспирантуру, бумажки собираю. Меня в аспирантуру рекомендуют, я не возражаю, вообще хочу по научной части. *(Подает характеристику.)* Налож и ты визу. Ты теперь шишка, подмахни.

Сергей *(взял характеристику, читает)*. «За время пребывания в институте Конкин Владимир Иванович проявил себя человеком незаурядных способностей, склонным к аналитическому мышлению. Натура сильная, волевая. В течение трех лет избирался секретарем комсомольской организации. Работу вел хорошо. Бесспорные организационные способности. Морально устойчив. Рекомендуем в аспирантуру. Ректор Ознобкин. Секретарь партийной организации Пороховая». Вот, Коля, каких замечательных студентов у нас выпускают. Ученый будет. Всевышний судия, страж закона, око... Ну что ж, с большим удовольствием! *(Подписывает бумагу.)*

Конкин *(беря бумагу)*. Спасибо, Сережа! *(Глянул на подпись.)* С ума сошел! Армейские шуточки?

Сергей. О Гореловой продолжай!

Конкин. У нас, Сережа, здесь тоже командиры есть. И они «равняйся!» гаркнуть могут, а то и «разойдись!»

Николай. Что ты вертишься, гад недоушенный!

Сергей. Коля, Коля, не груби! Запомни. Потом ненароком окурков на тротуар бросишь, на пять лет закатают. *(Резко.)* О Гореловой!..

Конкин. Ничего не понимаю. Она наплела что-нибудь про меня?

Сергей. На дачу ты ее возил?

Конкин. Что значит — возил? Попросилась — не отказал. Чай пили, грядки пололи. Пивоваров с нами еще был, Стеблов.

Сергей *(поморщившись)*. О!.. Завтра же подашь заявление об уходе.

Конкин. Откуда?

Сергей. Из института. Из комсомола я тебя сам вышибу.

Конкин. Между прочим, без общего комсомольского не получится. Сейчас демократия полная.

Сергей. Я ее в райкоме отыщу.

Конкин. Не то время. Поставишь на голосование, ребята будут за меня, учти, погоришь как спичка.

Сергей. Посмотри на меня.

Смотрят друг другу в глаза.

Конкин. Ну? Иголочки под ногти вгонять будешь?

Сергей. Да-а, ты фигура серьезная.

Конкин. А за то, что ты здесь своей геройской рукой матерные слова написал, ответишь! Надо менять поведение, Сережа. Здесь Красногвардейск, наш советский город, не путай. Старайся к мирной жизни привыкнуть.

Николай. Заткнись, чистенький!

Сергей. Но ты же...

Конкин. Что я?

Сергей. Ты же юрист. Как эта статья называется?

Конкин. Какая?

Сергей. За изнасилование.

Конкин. За изнасилование — 117. Сроки разные, в зависимости от тяжести преступления. Разве у вас не проходили? Лагерь, разумеется. *(Поняв, в чем дело.)* Что?! Господи, ну девка, ну приемчик! Смотри-ка, первый курс, а какая способная! Романов, Романов, учти, и такое в практике будет. Даже под прошиб... *(Вытирает лицо платком.)* Ну надо же! Фу ты, черт! Глаз она на меня положила. Ко мне и так, и сяк, и наперекосяк, только-что с руками не лезла. Я, честно тебе скажу, не монашек, но крупногабаритные меня не волнуют... Ишь, на что пошла! Вот и «свои на дачу, поглядеть охота»...

Сергей. Она с ума сошла.

Конкин. Именно.

Сергей. Не фигурально, на самом деле. Была здесь...

Конкин. Господи, гора с плеч! Честно скажу, я, глядя на тебя, сначала растерялся. Вы все, которые оттуда, возбужденные... Понимаю... Знаешь, оклеветать любого могут — тебя, его, меня, мать, отца. Иногда так сложно доказать непричастность. А тут все ясно. Безумие! Надо же! Бедняга! Чего она?... Тебе, как комсorghу, непременно надо выяснить. Не в общезжитии ли что происходит. Сходи проверь, там всякое бывает. Я ходил, нагонял страху... Может, в больницу помочь устроить? Бедняга... Фу, честно скажу, испугался. Глаза у тебя... Осторожнее, Сережа. В таких делах будь крайне осторожен. Так подставят, не отмоешься. В нашей профессии — хладнокровие и трезвость ума. Сгоряча — ничего. *(Смотрит на характеристику.)* Надо же! Ну я тебя компрометировать, конечно, не буду. Нервы у тебя измотаны. Там, говорят, кошмар... Перепечатаю, попрошу снова подписать. Эту, скажу *(показывает на бумагу)* случайно сестренка разорвала... Будь здоров! *(Подает Сергею руку.)*

Сергей протягивает свою.

(Николаю.) До свидания.

Николай не отвечает.

Огорчились? Сенсация сорвалась? Увы, крови не будет. *(Уходя.)* Кстати,

Сережа, через месяц у меня свадьба. Приходи, если не зазнался. Всем будет приятно. *(Уходит.)*

Н и к о л а й. Зачем ты ему руку подал?

С е р г е й. Что-то я слегка запутался. Может, Горелова действительно по-другому... Надо узнать, что там у нее... Училась, говорят, зверски.

Н и к о л а й. Я, знаешь, сам с толку сбит. Хотя парень противный.

С е р г е й. Как доказать? Наверно, поздно. Свидетелей смешно искать. Да и свадьба у него.

Н и к о л а й. Вот-вот, в эту пору такие, как он, и дают загул на всю катушку. Постой, поймал, поймал! Чай пили, грядки пололи. Что же они пололи, когда трава еще не пробивается. Нечисто, нечисто... Все! Выясним, какие грядки они там пололи.

С е р г е й. Как?

Н и к о л а й. У нас, Серега, свои следственные органы имеются. Так сказать, на любительских началах.

Почти вбегает Зина Пасхина и сразу бросается обнимать Сергея.

З и н а. Ура, ура, жив! От кого хочешь ожидала, от тебя нет! Уж такой скромнюшка был, такой тихоня, такой лирический! Награда-то какая! Поздравляю! *(Целует его.)* Ты звонил, сказали.

С е р г е й. Познакомься. Николай.

З и н а. О! Вы все мученики — герои. *(Здоровается с Николаем.)*

С е р г е й. Ладно тебе! Ты-то как? Замуж не выскочила?

З и н а. Выскочила.

С е р г е й. Я серьезно.

З и н а. И я.

С е р г е й. Неужели кто-то отважился?

З и н а. Да, голубчик, и похрабрее тебя люди есть. Пасхина я теперь.

С е р г е й. Пашка?

З и н а. Он самый, Павел Константинович.

С е р г е й. Помню, как ты в клубе вокруг него и тогда вилась, сети свои рыболовные забрасывала. Изловила-таки.

З и н а. Уж я что задумала, мое будет.

С е р г е й. А где он?

З и н а. Тут у дома в скверике оставила, на лавочке.

С е р г е й. Я серьезно.

З и н а. Честно.

С е р г е й. Чего же он?

З и н а. Стесняется.

С е р г е й. Кого?

З и н а. Тебя.

С е р г е й. Ничего не пойму.

З и н а. А ты не знаешь?

С е р г е й. Чего не знаю?

З и н а. Немой он стал.

С е р г е й *(после короткой паузы)*. В каком смысле?

З и н а. В прямом. Не говорит, речи нет, пропала.

С е р г е й. Горло, что ли, болит?

З и н а. Нет. Совсем исчез голос. Навсегда, сказали.

Н и к о л а й. Кто?

З и н а. Доктора. Мы у всех были — по уху-горлу, у невропатолога. психиатр обследовал. Потому и о тебе не справлялась. А сейчас уезжали с ним под Черемхово. Там, мне сказали, бабка есть. Рекомендовали, адрес дали. Ото всего лечит.

Н и к о л а й. Ну уж...

З и н а. Да, да, подопрет, и за бабку схватишься!

С е р г е й. А что с Пашей случилось?

З и н а. Он в милиционеры пошел, как его отец. В феврале нынче послали в район, там какая-то шпана объявилась, шайка, банда целая. Ловили. И на его глазах девушку убивали. Гуляющая, правда, была, но все равно... Он бросился к ней, а они его схватили, держат... А ей глаза... Тьфу, не могу говорить... Павлушка-то мой добрый. С виду богатырь, а сердце... Пока товарищи подбежали, шайка наутек. А он как стоял, так в себя долго прийти и не мог. Остолбенел. И больше ни слова. Врачи говорят: потрясение. Такие случаи известны.

Н и к о л а й. Поймали сволочей-то?

З и н а. Пока нет. Розыск объявлен. Да где! Страна огромная. Ищи гадину в лесу дремучем...

Н и к о л а й. А бабка что сказала?

З и н а. И не говорила. Послушала меня, на Пашу и не глянула. Сказала: плохо, клин в него вбили. Я объяснить просила, а она — злая такая, — иди, говорит, видишь во дворе ко мне сколько дожидаются. Я ей сто рублей подаю, а она: трояк, говорит, с тебя. Я не поняла. Лезу в карман, подаю сотню, пошла. Она кричит: стой! И сдачу бросила. Вообще-то она специалистка по детям: у кого детей не получается, заговаривает. При нас двое молодых приходили, из Москвы приехали. Цветов корзина, конфет коробка, — я таких и не видывала, наверно, прямо из Кремля. И вазу. Она им ребеночка сделала.

С е р г е й. Не говорит... А так, в остальном?

З и н а. В остальном все нормально. Я беременна.

С е р г е й. Да не об этом я. Слышит?

З и н а. Еще как.

С е р г е й. Понимает все?

З и н а. Даже не говоришь, и то сразу догадывается. Я задумалась, — подходит, голову гладит, будто оттуда мысли мои тяжелые выгоняет, смотрит на меня и смеется.

Н и к о л а й. Смеется. Значит, голос есть?

З и н а. Без звука хохочет... Рот разинет, трясется. Я сначала пугалась.

Н и к о л а й. Да зови ты его сюда, зови! Что он там сиротой на лавочке расселся!

З и н а. Зову! Вы виду-то не показывайте, будто ничего и нет. Он стесняется. Спрашивайте чего, я переводить буду. Мы с ним азбуку на пальцах выучили. Зову! Мы к врачу идем, так что ненадолго. *(Убежала.)*

Н и к о л а й. Вот, Сережа, до чего со всех сторон доходит. Милиция, страж порядка, а они, значит, свех. Нет, твой юридический, может, и культурное заведение... Тут не культура нужна, не закон, а более высокое...

С е р г е й. Что?

Н и к о л а й. Мы знаем.

Возвращается Зина. С ней Павел Пасхин. Дитина действительно крупный. На лице какая-то виноватая улыбка. Обнимается с Сергеем.

Сергей. Ну, Пашка, слышали о твоём подвиге, молодец!

Павел делает движение: толку, мол, не было, не поймали.

Николай (поняв). Изловим! Хотя в Америку убегут, мы их, как фашистов, отовсюду достанем. Хотя они там сорок лет прятаться будут, кара настигнет.

Сергей. Ты работаешь, Павел?

Зина. Учится, на курсы ходит по телевизорам, по аппаратуре, и работает. Руки у него... Уже сейчас только и слышишь: «Паша, не зайдешь ли?», «Павел, не посмотришь ли?», барахлит, мелькает, строка бежит, звука нет... Телевизоры-то какие выпускают, через одного брак. Заработок хороший получается.

Павел смеется, раскрыв рот.

Николай. Павлуха, хоть ты и занятой человек, приходи к нам во Дворец культуры имени Ворошилова. Я там физкультуржук введу. Попробуем и с этой стороны. Может, прорежется.

Зина. Вот-вот, Павлик, пойдешь. Психиатр тоже сказал: физкультура свежий воздух, бассейн.

Павел показывает Зине что-то на пальцах.

Ну тебя! Это, говорит, все равно как ухо-горло посоветовал ириски сосать.

Павел еще что-то «сказал».

Придет с удовольствием.

Николай. У нас там парень к парню. С твоей силищей не телевизоры чинить, дела покрупней совершать.

Зина. А сколько платить будут?

Николай. Нет, у нас на добровольных началах.

Зина. Ну, тогда уж в нерабочее время.

Николай. Само собой.

Зина. Пора, Павлик, не опоздать бы.

Прощаются. Павел хочет еще что-то сказать и смеется.

Пошли, пошли, говорун!

Ушли.

Николай. И мне пора, Сережа. Там у нас сегодня лекция по истории. «Русь допетровская» называется. Интересно, наверно... Что ты с этим Конкиным делать будешь?

Сергей. Сам не знаю. Поставил бы вопрос на комитете, да неловко. Она просила никому не говорить.

Николай. Что значит — не говорить? Молчать об этом в тряпочку, что ли?

Сергей. Ну понимаешь...

Николай. Нет, не понимаю. Тут казнь требуется. Ты деликатности хочешь. Эта сволочь и пользуется нашей деликатностью. Такие, как он или Косорогов, именно на законные дыры и рассчитывают.

Сергей. Какие дыры?

Николай. Как ты этого, например, Косорожего поймал, по ка-

кому закону? Он еще тебя за клевету притянет. Знаю я эту породу. Ты в юридическом зубришь, а он в своем гастрономе уже академию прошел. Я бы за одного этого парня весь их магазин взорвал, все равно в нем ни черта нет, кроме ржавой селедки и повидла... А поставишь ты о Конкине на комитете, все за него будут.

Сергей. С чего это?

Николай. Он же, говоришь, три года у них вождем был.

Сергей. Ну?

Николай. За три года каждого, как облупленного, знает, а людей без грешков не бывает, не боги. Понял? Молчком молчать будут... Тьфу, еще Зинаида с Павлом... Ей-богу, в Афганистане лучше было, яснее. (Собирается уходить.) Приходи к нам. Мы по четвергам и субботам собираемся, с пяти часов. (Пошел.) Да, скажи Лариске, пусть в эту паршивую дискотеку не ходит.

Сергей. Почему?

Николай. Мало ли... Ворчат жители: шум от них. Как бы свары не получилось... Я краем уха слышал.

Входит Галина Николаевна.

Галина Николаевна. От этих мотоциклистов житья нет.

Сергей. Что произошло?

Галина Николаевна. Косорогова какой-то мотоциклист сбил. И даже не остановился, помощи не оказал. Уж совсем люди совесть потеряли. А того без сознания «скорая» увезла. Вот уж поистине Бог наказал.

Николай. Бог, он все видит, Галина Николаевна... До свидания. Пока, Сережа!

Галина Николаевна. Остался бы. Сейчас уж и за стол.

Николай. Не могу, Галина Николаевна, у нас строго. (Уходит.)

Галина Николаевна. Резкий твой товарищ. Но отважный, наверное, был.

Входят Лариса и Максим.

Лариса. Вот и мы! Видали, какая точность.

Сергей. Ты не ходи в дискотеку.

Лариса (включая телевизор). Еще чего! Вы нам тут свои порядки не устанавливайте. Обязательно пойдём. Эх ты, неужели тебе дома не нравится?

Сергей. Дурочка ты, дурочка, представить себе не можешь, что значит быть дома. Даже ты мне симпатична, нахалка.

Галина Николаевна. За стол, за стол!

Все рассаживаются вокруг стола. Галина Николаевна достает из буфета бутылку, разливает по рюмкам.

За тебя, конечно, Сережа! Пусть тебе всегда будет хорошо.

Сергей сидит молча.

Лариса. Что ты, Сережа?

Сергей (очнувшись). Да, да! (Встал, чокается.) За то, чтобы все вернулись!

Пьет. Часы бьют пять ударов.

Николай на занятия не опоздал бы.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

Кабинет. За столом Гавриил Герасимович Ознобкин, ректор института.
У стола на стуле Сергей.

Ознобкин. Почему раньше не пришел?

Сергей. Просила никому не говорить. Я и к вам не хотел. Но сам ничего не могу выяснить.

Ознобкин. Дело скверное. Следы насилия были? Пятна, кровоподтеки?

Сергей. Были. Я в психиатрическую ездил, спрашивал. Только это, может быть, когда она под автобус броситься хотела. Ее схватили, оттаскивали. Сопротивлялась.

Ознобкин. Сколько времени прошло?

Сергей. Две недели.

Ознобкин. Поздно... Конкин... Не ожидал. Парень умный, по-моему, осторожный. Ну, в наше время все мы должны быть осторожными. Иллюзий не строю. Скажу тебе откровенно, Сергей, дело почти гиблое. И время упущено... Результаты не будет, а пятно на институт ляжет.

Сергей. Но это же правда.

Ознобкин. Не докажешь. Конечно, можно начать следствие.

Сергей. Он на вопрос: что на даче делали — ответил: грядки пололи. А еще трава не вылезала. Явно врал.

Ознобкин. Ну это он мог так сказать, не всерьез... Нет, Сережа, это не доказательство. Со Стебловым и Пивоваровым говорил?

Сергей. Зачем? Они правды не скажут. Только звон поднимают.

Ознобкин. Разумно.

Сергей. Так что же делать?

Ознобкин. Сожалеть. И только. Навещать ее надо, ты организуй это...

Сергей. Да, девочки уже ходят.

Ознобкин. Тихая. Лучше бы буйная была: буйные, говорят, правляются, тихие хуже. Родители в курсе?

Сергей. Я ездил в Бараново. Сказал: умственное перенапряжение... Мать сейчас здесь в городе живет, навещает. Меня поразило — она как-то не удивилась, когда рассказал... Только заплакала.

Ознобкин. Вот, вот! Может, у нее от рождения дефект какой был...

Сергей. Я все-таки хочу на комитете о Конкине вопрос поставить.

Ознобкин. Ты не последователен. Говоришь, просила не разглашать. Впрочем, ставь... Нездоровые слухи разползутся, до родителей дойдут... Ты ставь, ставь, я не имею права возражать.

Сергей. Советуете?

Ознобкин. Честно? Не советую, пустой номер. Но хочешь, — ставь.

Сергей. Как же без наказания оставить?

Ознобкин. Наказание за преступление бывает, а его требуется доказать. Лучше просто следствие, если сочтут нужным.

Сергей. Товарищ мой верно говорит: у нас не следствие и суд, а один смех. Воров расплодили, взяточников, мафию. Вы подумайте: у нас

в Советском Союзе мафия, а правоохранительные органы только зарплату получают! Николай верно говорит.

Ознобкин. Кто это?

Сергей. Друг. В Афганистане служили. Чистый парень.

Ознобкин. Только вы с другом не впадите в преувеличение. Я догадываюсь, что в ваших душах творится. Афганистан — это горько, не Великая Отечественная.

Сергей. Вы думаете, я этого не понимаю?

Ознобкин. А вся эта мерзость, мафия в том числе, они не сейчас родились, сейчас обнаружили. Многое сейчас раскрывается, что в нашей жизни давно было, только молчали. Тут тоже война, Сережа, только по своим законам.

Сергей. А есть он — закон?

Ознобкин. Может, и плоховат, но без него еще хуже. Понимаю твой гнев, хотя и не уверен в деле Конкина. Он умный. Видишь, карьеру делает — в аспирантуру. Такие осторожны в поведении. Да и девушки его своим вниманием, как я знаю, не обижают. Сытый. Словом, действуй по своему усмотрению... Должен тебе сказать, и девушки хороши пошли! Ехать с тремя парнями на чужую дачу...

Стук в дверь.

Войдите.

Входит Конкин.

Конкин. Здравствуйте, Гавриил Герасимович.

Ознобкин. Здравствуй, Владимир.

Конкин. Сережа, привет! (*Жмет руку Сергею.*) Я на минуту. Извините, Гавриил Герасимович, сестренка маленькая, три года, влезла на мой стол и разорвала, просто в клочки разодрала характеристику, которую вы мне подписали. Извините, я по клочкам собрал, перепечатал. (*Протягивает бумагу Ознобкину.*)

Ознобкин (*взяв бумагу*). Что мы тут тебе сочинили... уже и забыл... (*Бегло читает.*) Незаурядные способности... работу вел хорошо... морально устойчив...

Маленькая пауза.

Конкин. Мою слабость к прекрасному полу не осуждаете? А то, если в этом смысле все будут морально устойчивы, девушки обидятся.

Ознобкин. Я не люблю цинизма, Конкин.

Конкин. Извините.

Ознобкин. Значит, в аспирантуру... Потянешь?

Конкин. Надеюсь. Выпускные на носу, и то не жалею, даже время для отдыха нахожу. На дачу езжу по субботам, на выходной.

Ознобкин. Родителям по саду-огороду помогаешь?

Конкин. Сейчас рано, делать нечего, даже трава не лезет, холодище. Но у нас — с отоплением.

Ознобкин (*подписывает бумагу, отдает Конкину*). Ну, желаю успеха.

Конкин. Спасибо, Гавриил Герасимович... Сережа, подпиши заодно и ты.

Сергей берет бумагу и после недолгой паузы подписывает.

Спасибо. До свидания. (*Уходит.*)

О з н о б к и н. Дурацкое у меня положение, Сергей.
С е р г е й. Трудное, я понимаю.
О з н о б к и н. Не буду же я его спрашивать: да или нет. Ответ извес-
тен.

С е р г е й. Но лично как чувствуете, интуицией — да или нет?
О з н о б к и н. Не знаю... Поверить не могу. Хотя и страшно.
С е р г е й. А я уверен — да.
О з н о б к и н. Зачем же подписал?
С е р г е й. Черт его знает! Я же не до конца уверен.
О з н о б к и н. Он тебе антипатичен? Чистенький, сытый, да еще и
нагловатый. Ты его своей судьбой не меряй... Знаешь, Сережа, я замечал:
удачливым, — а он, прямо скажем, парень удачливый, — часто... ну как бы
тебе поточнее сказать... завидуют, что ли, не любят их, особенно те, кото-
рым не везет или которые сами ничего не могут.

С е р г е й. Вы обо мне?
О з н о б к и н. Нет, так, вообще, размышляю. Тебе, наоборот, другие
могут завидовать.

С е р г е й. Да, живой вернулся, не в цинке... Поймите и меня, Гаври-
ил Герасимович. Она же ко мне приходила, справедливости искала, воз-
мездия... Нет, я отыщу истину!

О з н о б к и н. Ну, пытайся, Сергей. Нужны неопровержимые доказа-
тельства, только тогда можно возбуждать дело... Я о тебе думаю. Береги
репутацию. Совершишь ошибку...

С е р г е й. Постараюсь не промахнуться... До свидания, Гавриил Гера-
симович.

О з н о б к и н. Счастливо, Сережа!

Сергей ушел.

(Снял телефонную трубку.) Мелиса Кузьминична, у вас был Конкин?..
У вас?.. (Тихо.) Подписали?.. Не подписывайте... Ну найдите какую-ни-
будь орфографическую ошибку, измените формулировку... перепечатай-
те... Есть сомнения. (Положил трубку.)

Картина третья

В доме Романовых. В комнате Галина Николаевна и Сергей. Сергей пишет.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Рано ты, Сережа, в следователи записал-
ся. Я, конечно, понимаю тебя, но если даже ректор сказал — безнадежно,
нечего тебе и нос совать... Конечно, жаль бедную девочку. Но что делать,
жизнь полна ужасов... Запутался... Занятия забросил. Ты мальчик пря-
мой, а жизнь извилиста.

С е р г е й. Думаешь, и меня скособочит?

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Да, боюсь.

С е р г е й. Она ко мне пришла. Что-то же я должен делать.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Что? Не мучь себя. Постарайся выбро-
сить из головы.

С е р г е й. Бабушка, так как же я могу такое из головы выбросить!

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Газеты читаешь? Вон каких государствен-
ных жуликов уличить не могут, годами следствие тянется, уж вся прокура-
тура Советского Союза на ногах, а толку?..

С е р г е й. Значит, законы ни к черту не годятся.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Вот ты закончишь институт, новые из-
дашь, царь Соломон.

Сергей одевается.

Куда ты?

С е р г е й. В прокуратуру пойду, посоветуюсь.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. С кем?

С е р г е й. Ну там выясню, узнаю.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. К жизни надо привыкать, такой, как она
есть, а не выдуманной. Мы тоже все годы головой об идеалы бились,
сколько напрасно сил потратили.

С е р г е й. Я не понимаю тебя, бабушка. Конкин будет ходить, посви-
стывать, еще пакостить.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. А если он не виноват?

С е р г е й. Виноват, я чувствую. И Николай твердо уверен.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Твой приятель, может, и отважный па-
рень, но в нем, и в тебе тоже, все еще кровь кипит, кровь во всех вас. Вой-
на разные чувства в человеке будит. Ты ночами почему кричишь? Мне са-
мой та война лет пятнадцать во снах снилась. Бомбежка, все бомбежка.
Покойный отец твой тоже среди ночи кричал. Будила, как тебя. И многие
тогда после войны места себе в жизни долго искали. Иные и не нашли.
Кто спился, кто даже в уголовники угодил... Вы тоже сейчас в возбужде-
нии, вы еще на той войне живете. Ты более выдержанный, твой приятель
слабее, его сильнее колотит. И я вас понимаю. Да и нам все-таки легче
было: знали, за что воевали. А вы... Жаль всех вас до ужаса. Но уж осты-
вайте, остывайте, приходите в себя. А вы все еще в атаку идете... Ты ска-
зал ректору, вот пусть теперь ректор и занимается.

С е р г е й. Как ты понять не можешь! Не хочу я остывать. Я же себя
последней падлой чувствовать буду, тряпкой. Есть же справедливость!

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Вот с этой справедливостью и пропа-
дешь.

Входят Лариса и Максим.

Л а р и с а. Поздравьте нас.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. С чем?

Л а р и с а. Максим сейчас пять шестьдесят взял.

М а к с и м. Мы со стадиона, с тренировки.

С е р г е й. А ты на сколько прыгнула?

Л а р и с а. Я-то при чем?

С е р г е й. Вот именно. А говоришь — поздравьте нас. Если на двоих
пять шестьдесят, негусто получается.

М а к с и м. Мне бы форму до Мексики не потерять!

С е р г е й. В кино там не ходи.

М а к с и м. Ни за что! Пойду в оперу.

Г а л и н а Н и к о л а е в н а. Смотри, у них и в опере теперь что-ни-
будь такое может быть.

М а к с и м. Тогда в музей, в археологический.

С е р г е й. А там статуи голые. Ты, видать, ребенок впечатлительный.

Звонок телефона.

(Взяв трубку.) Слушаю. Здравствуйте, Иван Федорович... Нет, не прихо-

дил... В последний раз третьего дня в институте встретил... Вчера — нет... Может, на даче ночевал?... Не знаю... До свидания. *(Положил трубку.)*

Галина Николаевна. Кто это?

Сергей. Отец Конкина.

Галина Николаевна. Что потерял?

Сергей. Сынка драгоценного.

Галина Николаевна. Кого?

Сергей. Ну Вовку. Наверно, паразит опять на дачу отдыхать укатил. Развлекается.

Максим. Я позавчера его видел.

Сергей. Ты его знаешь?

Максим. Да, он у нас бывает. Они с моим братом Генкой в шахматы режутся. У Генки второй разряд, у Конкина первый.

Сергей. Где ты его видел позавчера?

Максим. На теннисном корте. Играл. Потом к нему какие-то ребята подошли, человека четыре, может, даже и пять. Он игру бросил, пошел с ними. Спорили о чем-то.

Максим и Лариса ушли в другую комнату.
Звонок. Входит Николай.

Николай. Галине Николаевне... *(Кланяется.)* Эссалям-алейкум.

Галина Николаевна. Здравствуй, Коля. *(Ушла.)*

Николай. Все свою юриспруденцию зубришь, вглубь ныряешь.

Сергей. В областную прокуратуру заявление написал.

Николай. Ну, если до переписки дело дошло, пропал Серега, сдохнешь.

Сергей. Смейся, смейся, я этого гада все равно на чистую воду выведу.

Николай. Не надо, дружище.

Сергей. Почему?

Николай. Все! Раскололся, как кедровый орешек.

Сергей. Ну-ка, ну-ка, что там?

Николай. Наши ребята все выяснили.

Сергей. Каким образом? Улики?

Николай. Самое главное...

Сергей. Поясни.

Николай. Сам признался.

Сергей. Сука! Убить!

Николай. Свое получит.

Сергей. Как же он признался? Каким образом?

Николай. Сопrotивлялся, гад, сначала: нет, нет, клянусь мамой и папой, боженькой на небесах и так далее. Ребята подержали его сутки, поговорили по-хорошему, припугнули. Я не был свидетелем, но Анатолий сам мне сказал: я ему, говорит, довольно определенно намекнул — или признаешься или мочить будем, выбирай.

Сергей. Кто это Анатолий?

Николай. Зверюга! По-моему, тюрьму нюхал, может, и лагерь. Но хороший, с идеями.

Сергей. Ну и что? Что?

Николай. Признался твой кандидат в аспирантуру. Нет, это надо же! Три, говоришь, года комсоргом был... Все они другим мораль читать умеют. Сами будто иной расы, голубых кровей, а на деле...

Сергей возбужденно ходит по комнате.

Ну что ты заметался! Накажем, накажем!

Сергей. Но признание виновного в своем преступлении по закону не считается доказательством вины.

Николай. Что?

Сергей. Презумпция невиновности.

Николай. Нет, я ничего не понимаю! Повтори, повтори.

Сергей. Признание виновного не является доказательством его вины.

Николай. Идите вы все с вашими законами, с вашей казуистикой знаете куда!

Сергей. Конечно, знаю. Тебя туда столько раз посылали, рассказывал.

Николай *(смеется)*. Если по твоим дурацким законам даже самое важное, самое главное, самое бесспорное — признание своей вины самим преступником не считается... Какой же осел сам на себя показывать будет! Кто же скажет — украл, если не воровал.

Сергей. Скажет, Колька, скажет. Вон вожди революции на процессах в тридцатых годах сами на себя клепали, признавались — в чем никакой и вины не было. Пытали люто.

Николай. Тут ты прав. Я тоже читал. Удивлялся. В царских тюрьмах они не признавались, а тут...

Сергей. Другие тюрьмы, наверное, были. А Вовку, может, пугнули... Нет, улики, нужны, доказательства.

Николай. Да как ты их найдешь! Девку до безумия довели, загубили. Какие же еще нужны доказательства! Конечно, если бы ты там на дежурстве стоял...

Сергей. А вдруг он не виноват?

Николай. Виноват, еще как виноват! Ты только на его подлую рожу погляди, сразу видно — гнус... Слушай, брось свои учебники и завтра в пять часов идем к нам. Суд над ним будет, справедливый, законный, наш, демократический. Сам Пенкин решит. Зайдешь?

Сергей. Обязательно зайду.

Николай. И ходи ты к нам, ходи. Ты тут закисать начинаешь, дух теряешь. Павла захватим. Учиться, Серега, хорошо, но делать своими руками жизнь чище — тоже жить стоит.

Картина четвертая

Спортивный зал. По всем сторонам шведские стенки, так что сцена похожа на большую тюремную камеру. Спортивный инвентарь, в том числе конь, кобыла, брусья, кольца.

Входят Николай, Сергей и Павел.

Николай. Вот, ребята, это, так сказать, наш полигон. Здесь тренировки. Тут и лекции, беседы. Стулья из соседних комнат приносятся.

Сергей. Отличное помещение. С удовольствием разомнусь.

Быстро входит Пенкин. Это человек маленького роста с личиком скопца, отчего не поймешь возраста — не то ребенок, не то старичок.

Николай. Вот, Егор Федотыч, ребята, о которых говорил.

Пенкин (здоровается с Сергеем за руку). Рад познакомиться. Пенкин Егор Федотович, писатель.

Сергей. Сергей Романов.

Пенкин. А-а-а, это ты, рад, весьма рад приветствовать в нашем доме. И фамилия у тебя такая царственная — Романов.

Сергей. Студент юридического.

Пенкин. Все, все Николай о тебе рассказывал. Юридического... Ну, ну... Здесь у нас свои правила, кодекс. Познакомим. (Здоровается с Павлом тоже за руку.) Пенкин, писатель.

Павел в ответ улыбается, жмет руку.

Пенкин, говорю, писатель.

Николай. Это Павел Пасхин... тот... я вам рассказывал.

Пенкин. А-а-а, ясненько. Ничего, ничего. Знаешь, Паша, народную мудрость: «молчание — золото»? (Сам засмеялся.) Неплохая шутка получилась, а?

Его не поддержали.

(Павлу.) Надеюсь, не обижаешься. Я человек простой, без сантиментов... Тебе досталось. Найдем, попросим извиниться. (Засмеялся.) Ну, ребята, у нас здесь интересно. Спорт — само собой, главное — общее умственное развитие, горизонты, понимание явлений. А зачем понимать? Затем, что за годы накопилось много неясного. Путаница идет, хаос. Народ сбит с толку. Запутались в поисках. Шарахнулись в личное. Западничество души. Стервятники закружили. Нарушений много, несправедливости. Мы не можем допустить. Кто-то должен помогать государству реально... Тут вопросов уйма.

Входит Анатолий, парень из группы Пенкина.

Анатолий. Егор Федотыч, доктор тут.

Пенкин. Замечательно. Проси сюда... Да, а инструменты?

Анатолий. Достал.

Пенкин. Давай.

Анатолий ушел.

Сергей. Заболел кто?

Пенкин. Да. Легкая операция требуется.

Сергей. Ого! Может, «скорую» вызвать?

Пенкин. Ну, оставайтесь, ребята. Коля, покажи помещение, в зал проводи, уголок боевой славы, фотовыставку. Я дам знать.

Сергей (уходя). Что он даст знать?

Николай. Любит торжественность... Увидишь.

Сергей, Николай и Павел ушли. Анатолий вводит Доктора. Это благообразный старичок. Вид у него испуганный.

Пенкин (идя Доктору навстречу). С вашей стороны славно, доктор, не отказались.

Доктор. Я не отказался... они меня, собственно, почти силой. Я им говорю: вы ошиблись, я уже третий год на пенсии, не практикую. И потом спрашиваю: собака? кошка? Они говорят: человек! Я объясняю: я ветеринар. Они странно улыбаются. Меня под руки взяли, правда, деликатно... Но я ничего не понимаю, здесь какое-то недоразумение...

Я, конечно, готов помочь... Если это розыгрыш, шутка, то мы же не знакомы...

Пенкин. Вот и познакомимся (протягивает Доктору руку). Пенкин Егор Федорович, писатель.

Доктор. Очень приятно. Израиль Львович Иванов.

Пенкин. Как?

Доктор. Иванов Израиль Львович.

Пенкин. Иванов?

Доктор. Моя фамилия всегда вызывает недоумение. Кажется, такая простая, а все удивляются... Видите ли, в чем дело. Мой отец, он был профессором консерватории. Когда имя Троцкого в тридцатых годах или даже двадцатых стало нарицательным — Иудушка Троцкий... Вы, конечно, можете это не помнить. Сколько вам лет?

Пенкин. Это неважно.

Доктор. У вас странное лицо — вроде вы юноша, а с другой стороны что-то чрезвычайно взрослое... Так вот, в то время всем, кто носил фамилию Троцкий, — она была очень распространена — рекомендовали изменить фамилию. И это правильно. Например, отец выступал в концертах, иногда соло — виолончель. Вы представьте, зрителю объявляют: сейчас перед вами выступит Лев Троцкий! Весь зал разбежался бы в ужасе... Такое было время, ничего не поделаешь... Ну и вот, кто становился Троицким, кто Таруцким, кто Треуцким. А мой папа был чрезвычайно веселый человек. Семья у нас была — семь человек, и в Советском Союзе сразу появилось семь новых, уже готовых Ивановых. Вы как писатель обязательно возьмите это в какое-нибудь ваше творение. Забавно, верно?.. А вы, значит, писатель Пенкин. Как же, как же, что-то я ваше читал... (Вспоминает.) А-а-а, да, да... хотя, простите, это Айтматов. Очень хороший писатель.

Пенкин. Неровный.

Доктор. Совершенно верно заметили! Как только крупный писатель, обязательно неровный... Что же я ваше читал? А-а-а, да, да... нет... подскажите, пожалуйста.

Пенкин. Ну например, в прошлом году у нас в газете опубликовали мой рассказ «Взмах рукавицей».

Доктор. Как, как?

Пенкин. «Взмах рукавицей».

Доктор. Какое интригующее название... Я как-то пропустил по случайности, не ознакомился. Обязательно...

Пенкин. Ладно, доктор, на литературные темы еще потолкуем с вами. Вы, я вижу, любитель художественной литературы.

Доктор. Весьма.

Пенкин. А сейчас вашей помощи просим.

Доктор. Да, да, мы заболтались. Кто пострадавший?

Входят двое парней.

Первый парень. Достали, Егор Федотыч. Без хлопот. С удовольствием поехала. Все смеется, поет. Жалко, отличная девица. И голос...

Пенкин. Пойдите с ней пока в комнату, где хоровой кружок. У них с семи, там никого. (Обращаясь к другому парню.) А ты проводи доктора в туалет, пусть руки вымоет. Чистое полотенце достань, тетю Дашу попроси. Дай ей рубль, она даст.

Доктор (уходя). Я ничего не понимаю... Я, может быть, не смогу... я ветеринар.

Второй парень. Именно вы, папаша, в этом деле и специалист.

Все, кроме Пенкина, ушли.

Возвращается Сергей, Павел, Николай.

Пенкин (Николаю). Приглашай.

Николай уходит.

Сергей. Конкин, значит, здесь, у вас?

Пенкин. Сейчас появится.

Сергей. Егор Федотыч, по-моему, просто передать дело в суд. Ну что с ним можно сделать! Ведь действительно не убивать же его.

Пенкин. Сохрани бог!

Сергей. Надо по закону.

Пенкин. Тягучие у нас, Сережа, законы, очень тягучие. В демократию разыгрались. Не наше это слово, взаймы взяли. Россия всегда на дисциплине держалась.

Сергей. На страхе, что ли?

Пенкин. Всех нас приучили шаблонно мыслить... Хочешь с нами дружить, освобождайся от условностей.

Сергей. Наказать надо, но не самосуд же.

Пенкин. А ты, оказывается, рефлектирующий парень. Страх. Представь себе, да, да, да. Я писатель, я мыслю широко, меня казенные слова не пугают, мне газетные строчки мозги не путают, телевидение — только в глазах рябит. Я сам все вижу. Не бойся слов, Романов. Один умный автор, классик, кстати, сказал: «Человечество должно быть принуждаемо к добродетели». Нашелся хоть один мудрый человек, истину произнес: принуждаемо! Думаешь, всю мерзость жизни добренькими словами выскоблишь? Советами, увещеваниями, призывами к сознательности? Да ты дай людям волю, они обязательно захотят взять две. Происходит развращение народа. Сейчас особенно. Страх теряют, вот и валится все во все стороны. Ты подумай: до забастовок дело дошло. Я странную для тебя мысль выскажу, но верную и коренную. Над человеком страх должен витать все время, вечно, до могилы. Я давно проанализировал: нет страха — порядка нет, порядка нет — одна свалка, рвачка, кавардак, кто какой кусок схватит. Свинство! Возьми глобально. Вот сейчас мир на земле. А от чего мир? От страха. Они нас боятся, мы их. Вот и поем: «пусть всегда будет мама». Вот и весь дипломатический фундамент. Думаешь, там за бугром страха мало? Кругом одни сладости, а потеряй работу, только гляди на эти сладости и слюнки пускай. Тот же страх, только в их заграничной упаковке. У них, так сказать, страх экономический. У нас этого нет, мы бедны. Нам надо страх страхом держать. Ты проанализируй жизнь человеческую, Сережа. Что получается? Ребеночком отца-матери боишься, отлупят, если что не так. Не знаю, как тебя, а меня лупили по чем ни попало. Потом этих всяких учителей и пионервожатых на тебя свору спускают для страха. Зажрут, лучше не связывайся! А потом начальнички пойдут, тут уж совсем не пошевелишься. А Бог для чего был выдуман, Сережа? Для страха. «Бог накажет», «побойся Бога». Богобоязненные были люди. А сейчас? Ты знаешь, в чем сила русского человека? Не догадаешься. Думаешь, в смекалке, в широте души, в удали молодец-

кой? Нет, Романов, сила нашего человека в покорности... Закрой рот, закрой, не раскрывай! Он несет свой крест покорно, терпеливо, упорно, но он несет крест, а не шмотки обывательские. Он несет его в гору и на такую высь, которая только нашему человеку видится... Думаешь, покорность это сродни рабству? А парадокс, Романов, в том, что именно непокорный человек — раб, раб своих суетных страстишек, мелких желаний. Ему для этого так называемая свобода требуется, чтобы все свои грязные помыслы и похоти удовлетворять... Покорный человек скромнен, трудолюбив, артелен, то есть коллектив любит, его силой живет и питается, вот как мы все здесь. Понял? Ты ходи к нам, ходи. У нас не казенно, у нас одна правда, глубина жизни... И цель благородная.

Сергей. Что же вы Конкина убить хотите?

Пенкин. Зачем. Мы напротив, поможем ему. Он почему потерял человеческий облик? Похоть замучила. Мы сделаем так, чтобы она оставила его в покое.

Вводят Конкина. У него завязан рот и руки скручены за спиной. Конкина кладут спиной на «кобылу» и привязывают.

Сергей. Вы с ума спятили!

Пенкин. Вот и доктора пригласили, хирурга.

Сергей. Товарищи, но это же самосуд, террор.

Пенкин. Не пугай словами, не надо. Террор террору рознь — учил в школе. Террор всем, кто уродует наше общество, покрывает его позором... Загадка ты для меня вышел, Романов. Ведь не на детских деревянных палочках вы там сражались, не хлопучками хлопали, руки свои ты не вареньем пачкал.

Сергей. Замолчи!

Пенкин. Вон как...

Николай (Сергею). Что ты!

Пенкин. Понимаю, устал. Родниковой водички попить захотелось. Думаешь, она дома журчит... Введите пострадавшую.

Ребята вводят Горелову. Она в больничном халате.

Тихо поет. Поет на протяжении всей сцены.

Сергей. Откуда она?

Анатолий. Их, которые тихие, гулять во двор выпускают. Ребята и взяли ее ненадолго. Пусть она его казнь видит, может, с души спадет, в себя придет, бедняга.

Сергей. Горелова! Катя!

Пенкин. Анатолий, попроси доктора и объясни задачу.

Сергей. Отставить!

Пенкин. Имей в виду, здесь только я команду подаю.

Сергей. Я сказал — отставить!

Пенкин. Мои парни тоже натренированы, Сережа, хотя и не герои... Коля, ты к нам гостя пригласил, ты и отвечаешь. Объясни ему.

Николай. Сережа, это же суд, суд праведный. Ты же сам как бешеный был. Он же признался.

Сергей. Развяжите Конкину рот. Пусть подтвердит.

Пенкин (ребятам). Ну хорошо, развяжите.

Конкину развязывают рот.

Сергей. Признался?

Конкин. Да. *(Поворачивает голову, видит Сергея.)* Сережа! Нет, нет, они меня били... Грозили мою невесту... я испугался... Сказал... Соврал, чтоб отстали. Нет, нет, нет!

Анатолий. Врет. Сейчас врет, цепляется.

Вбегает растерянный Доктор. В руках у него металлический ящик с инструментами.

Доктор. Нет! Это нельзя! Я не буду! Пожалуйста, отпустите меня.

Пенкин *(Доктору)*. Приступайте! *(Анатолию.)* Попроси Романова удалиться.

Сергей. Колька! Ты же пропал, Колька! Пропал!

Анатолий. Идем, демократ, я тебе выход покажу, чтобы не заблудился.

Сергей. В последний раз говорю — прекратить!

Анатолий берет Сергея за руку, чтобы вывести. Сергей одним быстрым движением самбо бросает Анатолия на пол.

Встань, отряхнись и иди к дяде. *(Пенкину.)* Страх... А ты его в натуральном виде нюхал? Нам с Николаем не страх, ужас в глаза глядел. Страх... Помню, я задрожал и возненавидел себя... А ты о бесстрашии что-нибудь слышал? Отчего человек на двух ногах держится, а не на четвереньках ползает, знаешь? После страха, Пенкин, бесстрашие возникает, оно-то в гору людей и тащит... На костры всходили. Во все века...

Пенкин. Вот как! Хорош! Жаль, что не наш. *(Ребятам.)* Взять его!

Все бросаются на Сергея. Николай и Павел стараются его защитить, но безуспешно. Кто-то из парней хватается за гантель и сзади бьет Сергея по голове. Сергей падает. Тогда Павел хватается «молот» и, размахивая им, разгоняет шайку. Сергей лежит на полу. Все разбегаются. Кто-то влез высоко на шведскую стенку.

Павел *(склоняется над Сергеем, громко мычит и вдруг выдавливает из себя звуки)*. С-с-сергей... С-с-сережа... *(Николаю.)* «С-с-скорую», «С-с-скорую» в-в-вызывай!

Николай убегает.

Уб-б-били! Уб-б-били!

Громко поет Горелова.

ЭПИЛОГ

Комната первой картины. На стене портрет Сергея, тот, что мы видели в начале пьесы, но только с траурной лентой. Около портрета на полочке рюмка водки и кусок черного хлеба. Стол накрыт для поминок. В комнате Галина Николаевна, Павел, Зина, Лариса, Максим, Николай. Все о чем-то тихо разговаривают.

Галина Николаевна *(ушла на кухню, вернулась)*. Чуть салат не забыла. Садитесь, пожалуйста.

Все рассаживаются вокруг стола, наливают вино. Продолжают тихо о чем-то переговариваться. Галина Николаевна встала. Встали и все.

Как быстро летит время. Вот уже и девятый день. *(Глядя на портрет.)* Короткую жизнь определила тебе судьба, Сереженька. Короткую. Но

прожил ты его чисто, свято. Пусть земля будет тебе пухом. Безбожница я, но, может быть, для тебя есть царствие небесное и примет тебя Господь и даст покой и радость.

Все молча пьют.

Кутью сначала берите. Блины кушайте.

Все кладут на тарелки блины, кутью, едят.

Николай *(вставая)*. Я вот что скажу... Сережку все не только уважали... *(Вдруг голос его задрожал и он закричал.)* А-а-а!.. *(Зарыдал громко, вслух, навзрыд, никого не стесняясь.)*

Часы бьют пять ударов.

К о н е ц

1989